

АЛАЙНА САЛАХ

НЕКРОВНЫЕ

УЗЫ

Опасные мужчины

Алайна Салах
Некровные узы

«Алайна Салах»

2019

Салах А.

Некровные узы / А. Салах — «Алайна Салах», 2019 — (Опасные мужчины)

Моя жизнь изменилась всего за один день: папу посадили, все имущество нашей семьи арестовали, а у меня появился опекун. Он сводный брат моей покойной мамы, которого я никогда не видела. Этот мужчина одновременно пугает меня и завораживает. Я знаю, что он опасен. Мне нужно держаться от него подальше, но я не могу.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алайна Салах

Некровные узы

Теги: #разница в возрасте #опасный мужчина #криминал

* * *

Глава 1

Молоток седого обрюзгшего судьи шарахнул по столу, подобно топору, опустившемуся на шею смертнику, заставив подпрыгнуть на месте.

– Колтон Эрриксон признаётся виновным в получении взятки и приговаривается к пятнадцати годам лишения свободы в колонии общего режима. Приговор вступает в силу немедленно и обжалованию не подлежит. Виновный будет заключён под стражу в зале суда... – Судья продолжал говорить что-то ещё, но его слова ударялись о плотные защитные стены, возведённые мозгом, и отскакивали в небытие.

Несмотря на предупреждение адвоката о том, что обвинение представителя власти в коррупции вряд ли будет спущено на тормозах, и всю неделю я мысленно готовила себя к худшему, после произнесённых страшных «приговаривается к пятнадцати годам» слёзы обильным потоком хлынули по щекам. Отцу в этом году исполнилось пятьдесят девять, а это означало, что из тюрьмы он выйдет стариком. Его не будет на вручении диплома об окончании университета, на свадьбе некому будет вести меня к алтарю и, скорее всего, он пропустит первые годы жизни своих будущих внуков.

Я была поздним и единственным ребёнком в семье судьи первого округа Колтона Эвана Эрриксона. Папе исполнилось сорок, когда я родилась, и он любил поговаривать, что я стала лучшим подарком на его день рождения. После многолетних безуспешных попыток зачать ребёнка, когда супружеская чета Эрриксонов уже отчаялась стать родителями, вдруг выяснилось, что мама беременна мной. Нерастраченные годами нежность и забота вылились на мою светловолосую голову. У меня было всё, о чём мог мечтать любой среднестатистический подросток: айфон последней модели, золотой макбук, новая «Ауди», лучшая частная школа, а с этого года ещё и обучение в самом старейшем вузе штата – Нью-Йоркском университете. Была лишь одна вещь, которой мне не доставало в моей, в общем-то, счастливой и безоблачной жизни. Материнской любви. Маму я совсем не помню, так как она умерла почти сразу, как произвела меня на свет. Нет, я не была тому виной. Причиной стала коварная пневмония, которую врачи не смогли вовремя диагностировать. Маме было всего тридцать девять. После её смерти отец так и не женился, и когда в шестнадцать я спросила его почему, он ответил, что нам с ним хорошо и вдвоём.

Сквозь помутневшую пелену я взглянула на отца: оперевшись локтями в стол, он спрятал лицо в ладонях, плечи в строгом чёрном костюме чуть заметно подрагивали. Всхлипнув в последний раз, быстро промокнула рукавом свитера слёзы – папа не должен видеть моего убитого горем лица. Сейчас я должна быть сильной за нас двоих.

Судья тем временем продолжал говорить:

– По воле умершей супруги виновного, Элизабет Кейтлин Эрриксон, в случае потери второго родителя, опеку над их общей дочерью, Тиной Эбигейл Эрриксон, должно быть передано ближайшему родственнику семьи до достижения ею полного совершеннолетия. Этим родственником является Алекс Рейнольд Мерфи, сводный брат покойной, ему будет отправлено уведомление...

Я перестала слышать. На секунду я даже забыла о страшном приговоре, и изумлённо уставилась на мужчину в чёрной накидке, всё ещё продолжавшего шевелить ртом. У мамы был сводный брат? Он станет моим опекуном? Это какой-то бред... Идиотское кино. Почему я никогда о нём не слышала прежде? Как это возможно – жить с незнакомым мужчиной?

В поисках ответа я перевела взгляд на отца. Он повернул голову в мою сторону, в покрасневших глазах застыли страдание и вина. Его тонкие губы задвигались, и я прочла по ним: «Прости, дочка».

Самообладание на секунду предало меня, мышцы не справились с судорогой сдерживаемого рыдания, и лицо жалобно скривилось.

– Всё в порядке, пап, – успела я прошептать, перед тем как отвернуться, чтобы спрятать новые слёзы.

Судья, наконец, замолчал, и ещё раз рубанув деревянной колотушкой по столу, объявил о том, что заседание закрыто. Зал оживлённо загудел, когда конвоир жестом показал виновному подняться. В эту минуту я была безмерно признательна адвокату за то, что настоял на закрытом судебном процессе и получил запрет на любую видео и фотосъёмку, потому что благодаря этому, снимки отца, закованного в наручники, не попадут в новостные порталы Нью-Йорка.

Не помню, как покинула зал суда. Я шла по коридору, пронизанному тревогами чужих людей, и понятия не имела, что делать дальше. Осознание тотального одиночества стало особенно явным, когда я вдруг поняла, что мне некому позвонить, чтобы оплакать судьбу. Из близких, помимо отца, у меня были лишь две подруги, и те в данный момент находились на учёбе. Ехать в пустой дом на Лонг-Айленде не было ни малейшего желания, идти на лекции – тоже не вариант. Растерянно застыв на каменных ступеньках здания суда, я пыталась привести мысли в порядок, чтобы решить, как мне теперь жить.

– Мисс Эрриксон, как вы прокомментируете то, что ваш отец был осуждён на пятнадцать лет? Осуждаете ли вы его поступок?

Побледнев, я уставилась на стоявшего передо мной тощего мужика с сальными прядями волос, прилипших к скуластому лицу. Ткнув микрофон мне в нос, он настойчиво повторил вопрос:

– Осуждаете или нет?

– Без комментариев, – отпрянула я от журналиста и побежала вниз по лестнице.

– Почему вы убегаете, мисс Эрриксон? – понеслось в спину громкое карканье. – Просто ответьте. Вы стыдитесь своего коррумпированного отца?

Не добежав до последней ступеньки, я запнулась в своих замшевых «Джимми Чу» и, не успев сгруппироваться, со всего размаху впечаталась коленями в гранитную плиту. От боли потемнело в глазах, стало нечем дышать. Казалось, удар выбил весь воздух из лёгких.

Далее происходящее напоминало сюжет жестокого фильма. Надо мной нависла тень собравшейся толпы, то и дело раздавались щелчки затворов фотокамер, разговоры, смешки.

– Мисс Эрриксон, вы знали о том, что ваш отец берёт взятки?

– Тина, вы продолжите учёбу в университете, зная, каким способом были добыты деньги на ваше обучение?

– Эй, мисс, вы знаете сколько стоит ваша сумка от «Фенди»?

– Постыдились бы...

Беспомощность и унижение душили меня. Стоя на коленях посреди Шестидесятой улицы, я не решалась поднять глаза и встать с коленей, потому что моя восемнадцатилетняя сущность была совершенно не готова к встрече с толпой журналистов, жаждущих крови.

– Оставьте девушку в покое, – разнёсся надо мной низкий стальной голос.

Властность и нетерпимость тона, которым была произнесена эта короткая фраза, заставили меня оторвать взгляд от земли. Приподняв голову, я упёрлась взглядом в идеальные стрелки серых брюк прямо перед моим лицом.

– Сейчас вы удалите все снимки с камер, подберёте своё дерьмо и свалите отсюда, – продолжил голос, – мой помощник за этим проследит. Если хотя бы одна фотография того, что здесь произошло, попадёт в ваши паршивые газетёнки, я лично позабочусь, чтобы ни один из вас не нашёл работу в этом штате. Надеюсь, ясно выразился?

Воспользовавшись тем, что в воздухе воцарилась тишина, а журналисты заняты тем, что осмысливали претенциозные слова незнакомца, я с тихим стоном поднялась на ноги и, опустив взгляд вниз, оценила масштаб ущерба. Колени, к счастью, были целы.

Оторвавшись от них, перевела взгляд на говорившего и застыла в той позе, что стояла: плечи сгорблены, рот приоткрыт, руки безвольно болтаются вдоль тела.

Я не была ценительницей мужской красоты, скорее наоборот: чересчур привлекательные лица казались мне скучными, и даже раздражали, но в красоте этого мужчины было что-то завораживающее. Широкий разлёт плеч, который подчёркивал костюм заоблачной стоимости от «Зегна», почти двухметровый рост, тёмные, чуть выющиеся на концах волосы, выразительные скулы, волевой подбородок и нарочито стильная небритость. Больше всего поражали его глаза, глубокого зелёного цвета, с экзотическим разрезом в обрамлении густых ресниц. В них одновременно читались холод, жестокость и страсть. Как эти противоречивые эмоции уживались в его взгляде, оставалось загадкой.

Отвернувшись от притихших журналистов, мужчина пристально посмотрел на меня, и от чего-то я вздрогнула всем телом. Наверное, от того, как цепко его глаза окинули моё, без мазка косметики, лицо, быстро скользнули по бледно-зелёному свитеру с треугольным вырезом от «Ральфа Лоурена» и по плиссированной тартановой юбке, задержавшись на сочащихся кровью коленях. Я знала, что выгляжу, словно на меня стошнило пасхального кролика, но привыкла так одеваться. Тина Эрриксон была послушной папиной дочкой.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга: он иронично и изучающе, я замороженно.

– В жизни ты выглядишь старше, чем на фотографиях, Тина, – подал голос мужчина, и уголок его губ насыщенного цвета дёрнулся вниз. – Это приятный сюрприз.

Я уже собиралась спросить, откуда у него мои фотографии, и почему моя внешность оказалась для него сюрпризом, как из поредевшей кучки репортёров донеслось:

– А кто *вы* такой?

Темноволосый красавец усмехнулся, и не сводя с меня взгляда, представился:

– Я Алекс Мерфи, дядя и опекун Тины.

Глава 2

– Зед, – коротко кивнул тот, кто представился моим дядей, – удостоверься, что они сделали, как я сказал.

Из-за спин журналистов материализовался высокий сухощавого телосложения мужчина, при виде которого несколько особо впечатлительных отпрянули назад. Его вытянутое лицо с впалыми щеками пересекал неровный длинный шрам, тянущийся от уха до уголка тонкого почти безгубого рта; из-под белесых бровей холодно смотрели прозрачные голубые глаза. Выглядел он устрашающе. Словно все человеческие эмоции были ему чужды, и где-то зашит чип, запрограммировавший его на бездушное подчинение хозяину.

– Пойдём к машине, – Алекс взял меня под локоть, когда репортёры, возмущённо перешёптываясь, стали удалять фотографии с устройств.

Я вздрогнула от ощущения чужих пальцев на своём теле, однако, сопротивляться не стала и, безвольно опустив плечи, позволила незнакомому мужчине подвести себя к припаркованному вдоль дороги «Роллс-Ройсу». Слишком много всего навалилось в один день.

Каким-то чудом подоспевший к этому времени Зед, распахнул заднюю дверь, которая неожиданно открылась в непривычную сторону и я, неловко поправив юбку, скользнула на молочный кожаный диван.

Внутри салон автомобиля напоминал космический корабль в буквальном смысле этого слова: помимо множества кнопок, подсветки и встроенных мониторов, на его потолке словно рассыпаны звёзды. За свою короткую жизнь я повидала много роскошных машин, но таких, как эта, ни разу.

Алекс сел за мной следом, прижавшись бедром к моей ноге. Такая близость заставила меня подскочить на сиденье, и, ёрзая по гладкой обивке задом, прилипнуть к противоположной двери. Заметив мои манёвры, мужчина криво усмехнулся и демонстративно опустил широкий подлокотник между нами.

– Так тебе спокойнее?

– Я не то, чтобы... – проямлила я и быстро замолчала, смутившись под его пристальным взглядом.

Расстегнув пуговицы пиджака, Алекс непринуждённо откинулся на спинку дивана и вытянул ноги, оперевшись подошвами в торчащую из пола подставку. Глаза не справились с соблазном посмотреть на него. Под распахнутым пиджаком открывалась идеально-белая рубашка, дающая чёткое представление о скульптурном прессе своего хозяина; одна рука покоилась на подлокотнике – под манжетой крупная загорелая кисть с извитыми венами и ухоженными пальцами. Даже вскользь брошенный взгляд на ремень и ботинки не позволял усомниться в том, что они были выполнены вручную и на заказ. Этот мужчина, как и его автомобиль, был эксклюзивен и безупречен даже в деталях.

Внезапно я осознала, что даже не поинтересовалась, куда мы едем.

– Ты везёшь меня домой?

Алекс бросил на меня быстрый взгляд и отрицательно покачал головой.

– Нет, мы едем ко мне, – после чего достал из кармана телефон и, прочертив несколько линий на экране, увлечённо уставился в него.

В течение нескольких секунд я смотрела на его профиль, ожидая, что он скажет что-нибудь ещё, но этого так и не произошло.

– Я должна буду жить у тебя?

Не отрывая глаз от мобильного, мужчина кивнул.

– Ты переедешь ко мне. Сегодня Зед привезёт твои вещи. На ваше имущество наложен арест, и на твою машину в том числе, поэтому на учёбу тебя будет возить шофёр.

– У нас... всё отберут? – жалобно вырвалось у меня. Кажется, я до конца не осознавала масштаба произошедшей катастрофы. – И откуда ты всё это знаешь?

Вздыхнув, Алекс отложил телефон на подлокотник и внимательно посмотрел на меня.

– Мои адвокаты сделают всё, чтобы сохранить большую часть активов вашей семьи. Обещаю, тебе не придётся бедствовать. У меня есть неплохие связи в суде, поэтому я знаю многое. Что тебя ещё интересует, Тина? Спрашивай сейчас, чтобы нам не пришлось возвращаться к этому в будущем.

Мозг хаотично заметался, пытаюсь составить список вопросов, на которые мне хотелось получить ответы. Почему-то я была уверена, что он не станет отвечать на них во второй раз.

– Сколько тебе лет?

– Тридцать шесть, – он спокойно удержал мой взгляд.

– Ты старше меня в два раза! – изумлённо вырвалось из меня.

Алекс насмешливо изогнул чёрную бровь и прищурился.

– Что тебя в этом смущает?

Действительно, что? Он ведь мой дядя, в конце концов. Брат моей матери, пусть и сводный.

– Ничего... Ты женат?

Я не заметила кольца на безымянном пальце, но, возможно, он из тех, кто снимает его после того, как выходит из дома, чтобы беспрепятственно флиртовать с женщинами.

Лицо напротив оставалось непроницаемым.

– Нет, я не женат, и никогда не был. И предвосхищая твой следующий вопрос, я совершенно точно не гей.

Я поперхнулась воздухом.

– Я и не думала... ты... я бы...

Новообретённый родственник, казалось, наслаждался моим смущением. Он полностью развернулся ко мне, склонив голову набок, ожидая следующего вопроса.

– Дети? – уточнила я, поборов неловкость.

– Я живу один. Ещё вопросы?

– Расскажи о моей маме, – мой голос дрогнул, – я её совсем не знала... Какой она была?

– Мы не были близки, – Алекс пожал плечами. – Мой отец женился на её матери, когда мне было двенадцать. Элизабет тогда была уже замужем за твоим отцом. После смерти наших родителей она и Колтон стали моими опекунами, и какое-то время я жил с ними. Она неплохо ко мне относилась, но мы почти не общались. Наверное, из-за большой разницы в возрасте.

Его взгляд стал задумчивым, он уставился перед собой.

– Что произошло с вашими родителями? – спросила я как можно тактичнее. В этот момент меня даже не посетила мысль о том, что я говорю о родной бабушке. Никогда не видела её и не задумывалась о причинах смерти.

– Они сторели заживо, – как ни в чём не бывало отозвался Алекс. – Они оба выпивали тогда, и, скорее всего, кто-то уснул с сигаретой. Меня в тот день не оказалось дома по счастливой случайности.

От равнодушия, которым был пронизан его голос, мне стало не по себе. Казалось, смерть родителей нисколько его не трогала. Хотя, возможно, минувшие годы стёрли из памяти боль потери.

– Сколько тебе было тогда?

Он снова отвернулся к окну.

– Четырнадцать.

Воздух в салоне будто стал тяжелее. Физически ощущалось, что этот разговор ему неприятен.

– Мама была красивой?

Раньше единственным человеком, которого я могла о ней расспросить был отец, и я просто не могла упустить возможность узнать о ней от кого-то ещё.

– Мужчины сходили по ней с ума, сколько я себя помню. Будучи подростком, и сам был в неё влюблён.

Алекс повернулся ко мне и прищурил глаза.

– Вы с ней очень похожи. Только волосы у тебя светлые, и фигура... – обжёг взглядом грудь, обтянутую свитером, и слегка оголившись под клетчатой юбкой колени, – другая.

Лицо обдало жаром от короткой вспышки огня, промелькнувшей в его глазах. Вцепившись пальцами в подол юбки, я устала в переднее кресло со встроенным монитором. До шестнадцати лет я была той, кого принято называть гадким утёнком: долговязая и нескладная, без намёка на бедра и грудь. Мальчишки в школе дразнили меня тощей жирафой, пока после очередных летних каникул не обнаружилось, что моя грудь увеличилась до третьего размера, а бедра волшебным образом приобрели женственные формы. Прозвище отпало само собой, и на смену ему пришли навязчивое внимание и скользкие комплименты.

– Высади нас у ворот, Зед, и сразу поезжай в Лонг-Айленд за вещами мисс Эрриксон.

Без слов водитель обошёл автомобиль и помог мне выйти. Я с изумлением устала на дом геометрической формы, обнесённый толстым металлическим ограждением. Такие дома я видела лишь в дизайнерских каталогах, и всегда полагала, что это фантазийные концепты, созданные компьютерной программой. Скошенная крыша, восьмифутовые панорамные окна, закрытая терраса со встроенным баром, прозрачный бассейн цвета океана вровень с землёй, вокруг которого составлены деревянные шезлонги с идеально белыми матрасами.

Я оглядывала это великолепие, раскрыв рот. Чем этот мужчина зарабатывает на жизнь?

Аромат изысканного парфюма, проникшего в ноздри, заставил оторваться от наблюдения и перевести взгляд на владельца.

– У меня тоже есть к тебе один вопрос, – без тени улыбки Алекс Мерфи сосредоточенно разглядывал моё лицо. Он стоял настолько близко, что по телу прокатилась дрожь.

– Спрашивай, – удалось выдохнуть мне.

– Твои губы, – опустил взгляд на мой рот, – они натуральные?

Вытаращив на него глаза, я отступила назад и машинально прикоснулась пальцами к нижней губе. Слово нужно было напомнить себе, действительно ли они натуральные. В старшей школе идиоты-одноклассники спрашивали, настоящая ли у меня грудь, но про губы никто не интересовался.

Тихо сглотнув, я кивнула.

Твёрдая ладонь немедленно обхватила мою кисть и опустила вниз. Меня словно парализовало. Застыв, я молча наблюдала, как мужчина увлечённо продолжал разглядывать мой рот. Наклонившись ближе, коснулся подушечкой большого пальца верхней губы, слегка нажал на неё и быстро убрал руку.

– Действительно, натуральные. Удивительно.

Я продолжила стоять как истукан, тлея в огне от короткого прикосновения. Ещё никогда я не испытывала ничего подобного. По коже нитями расплзался странный щекочущий озноб, в то время как тело полыхало огнём, одежда в одну секунду стала слишком тесной и, казалось, душила меня.

Лицо опекуна снова дёрнулось в ироничной усмешке, и я невольно задалась вопросом, способен ли он по-настоящему улыбаться.

– Идём, Тина. Я покажу тебе твою комнату.

Глава 3

Внутри убранство дома соответствовало роскоши его экстерьера: полы из эбенового дерева; встроенный стенную нишу камин, огромный экран домашнего кинотеатра; угловой диван, на котором могли бы разместиться человек десять; расставленные по всей площади этажа напольные светильники, без сомнения, от дизайнеров с мировым именем. Сквозь застеклённую стену открывался шикарный вид на бассейн, и я невольно представила, как удивительно он будет смотреться вечером. Жилище Алекса Мерфи было идеальным логовом Люцифера.

– У тебя красивый дом, – не удержалась от похвалы, разглядывая футуристичное полотно, висящее на стене. Андрес Серрано?

– Спасибо, – безэмоционально отозвался Алекс, на ходу ослабляя галстук и швыряя его в кресло. Он прошел на кухню и, вернувшись оттуда со стаканом апельсинового сока, протянул его мне.

– Выпей. Сегодня очень жарко.

Ледяной напиток приятно освежал. Сделав несколько глотков, я робко улыбнулась поверх стакана хозяину дома. Несмотря на то что этот мужчина чертовски пугал меня, я была ему благодарна. Чтобы бы я делала сейчас? Без машины, без денег. Счета заморожены, дом арестован. Папа еженедельно перечислял мне определённую сумму на карту, но её не хватило бы надолго. Можно было продать сумки на eBay, чтобы как-то продержаться первое время, а дальше?

– Пойдём, – мужская рука тронула плечо, – я проведу тебе небольшую экскурсию по второму этажу. Расслабься и чувствуй себя как дома, Тина.

Поставив полупустой стакан с соком на журнальный стол, я поспешила за Алексом, который уже поднимался по лестнице.

Догнав его на последней ступеньке, вместе с ним шагнула в длинный коридор с рамками дверей вдоль стен.

Распахнув ту, что левее, Алекс пропустил меня вперёд.

– Твоя спальня на ближайшее время.

Комната была великолепна: просторная и светлая, минимум в два раза больше, чем моя в Лонг-Айленде, с кроватью королевского размера, с просторной гардеробной и с письменным столом, на котором стоял макбук последней модели.

– Ноутбук куплен специально для тебя, – негромко произнес голос из-за спины. Я ощутила волну горячего дыхания на своей шее и мысленно порадовалась, что длинные рукава свитера скрывают появившиеся мурашки.

– Ванная комната здесь, – Алекс слегка подтолкнул меня к двери у противоположной стены.

Застыв на пороге, я восторгом разглядывала залитую сотней точечных светильников комнату, посреди которой на ступенчатом пьедестале возвышалась самая огромная ванна из всех, что я видела. В ней можно было снимать рэперские клипы с пеной, с толпой обнажённых моделей и с шампанским.

– Это... невероятно. Если это комната для гостей, то какой должна быть твоя, – не подумав, ляпнула я.

– У тебя будет возможность её увидеть, – хрипло раздалось рядом с моим ухом, и в ту же секунду внизу живота что-то полыхнуло.

В замешательстве от противоречивых и неправильных эмоций, которые вызывало во мне присутствие этого мужчины, я дёрнулась и, протиснувшись вдоль него, выскочила из ванной.

– Что дальше? – пискнула неестественно высоким голосом, когда Алекс с неизменной ухмылкой на лице вышел за мной следом.

– Покажу тебе остальные комнаты, конечно.

Мы проследовали дальше по коридору, осмотрев три гостевые спальни, которые были вдвое меньше по размеру, чем моя, тренажёрный зал и рабочий кабинет. В последнем меня поразило висящее на стенах оружие. Десятки видов пистолетов, револьверов и даже несколько винтовок.

– Ты коллекционер? – удивлённо спросила я, оглядывая смертоносную коллекцию.

– В каком-то роде, да. Храню у себя наиболее выдающиеся образцы. Эта, например, – Алекс снял со стены модель, по виду напоминающую автомат, и покрутил в руках, демонстрируя со всех сторон, – классика. Автоматическая винтовка М16 выпуска 1964 года, из самой первой партии. У неё своя история. Во время вьетнамской войны из неё был застрелен один из северных генералов.

– Ты хранишь дома оружие, из которого был застрелен человек? – испуганно пролепетала я, глядя в невозмутимое лицо.

– Смерть – неотъемлемая часть жизни, Тина. Я не ханжа, и не отношусь к ней с суеверным трепетом. Люди всегда будут убивать друг друга, потому что жестокость заложена в них генами. Я принимаю это. Смерть великого человека от великого оружия, чем не повод, чтобы быть увековеченным в воспоминаниях?

– Мне не нравятся разговоры о смерти, – я мотнула головой, избавляя себя от картинок окровавленных тел, наводнивших голову. – Если люди и должны умирать, то только своей смертью.

Алекс снова внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Вернув винтовку на место, он указал головой на дверь.

– Спустимся вниз. Скоро Зед вернётся с твоими вещами, и мы поедем перекусить.

Я нерешительно застыла на месте. Алекс был слишком добр ко мне. Совсем меня не зная, поселил в своём доме, выделил прекрасную комнату и поручил заботы об имуществе своим адвокатам. А теперь ещё везёт меня на обед.

– Алекс, я тебе очень признательна за всё, что ты делаешь для меня... Ты ведь совершенно не обязан. Я бы хотела как-то отплатить тебе за это. Я могу выполнять работу по дому, прибираться и готовить. Конечно, кухня не мой конёк, но думаю, смогу научиться...

– Прекрати, – оборвал ставший стальным голос, – тебе абсолютно не нужно пытаться отблагодарить меня. Для уборки и готовки у меня есть домработница. Твои родители приютили меня в своё время, и меньшее, чем я могу им за это отплатить – позаботится о тебе.

На глаза от его слов навернулись слёзы. Ещё утром я была совсем одна, разбитая и напуганная, и вдруг каким-то чудом в моей жизни появился ещё один человек, помимо отца, готовый заботиться обо мне. Почему за все эти годы он ни разу не появился у нас? У меня совсем не было близких родственников, бабушки и дедушки умерли задолго до моего рождения, братьев и сестёр у отца не было. Я всегда думала, что в этом мире мы с папой одни.

– Куда мы поедем? – спросила я, когда мы спускались по ступенькам. Мне нужно было решить, что надеть, чтобы не выглядеть рядом с Алексом совсем убого. Вряд ли он поведёт меня в «Пиццу Хат».

– Почему ты спрашиваешь?

– Я думала переодеться. Если мы поедем в ресторан, то, наверное, мне лучше будет надеть платье.

– Если это единственная причина, по которой ты хочешь переодеться, то не стоит, – угол его рта дёрнулся вниз. – Этот свитер... мне очень нравится на тебе.

И снова этот взгляд. От которого бросает в жар и в холод. Я застыла посреди гостиной, машинально скрестив руки на груди, пытаюсь защититься от проникающей в поры сексуальной

энергии. Я провела с этим мужчиной не более трёх часов и уже успела испытать калейдоскоп самых разных эмоций – от страха до возбуждения.

– Бассейн, – пытаюсь сменить тему, я кивнула на двор. – Мне можно будет там иногда плавать?

– Когда сказал, почувствуй себя как дома, именно это я имел в виду, Тина, – лицо Алекса было жёстким. – Весь дом полностью в твоём распоряжении. И на будущее запомни: я не один из твоих мальчиков, которые не помнят и половины произнесённых ими слов.

– У меня нет никаких мальчиков, – шёпотом пробормотала я. Зачем я, вообще, это сказала?

– Зед подъехал, – Не дав опомниться, Алекс потянул меня к двери. – Время тебя накормить.

Через полчаса мы вошли в сверкающий вестибюль французского ресторана «Пер Се». Я много слышала о нём, и даже собиралась как-нибудь поужинать здесь с Жаклин, но со всеми судебными разбирательствами стало не до этого.

Едва завидев Алекса, ослепительная блондинка-хостес, стоящая у входа, широко заулыбалась неестественно белоснежными зубами и вылетела из-за стойки.

– Добрый день, мистер Мерфи! Рады снова видеть вас в нашем заведении. Вы бронировали стол?

– Привет, Данни, – без тени улыбки на лице поздоровался мой спутник. – Нет, не бронировал, но это ведь не будет проблемой?

Всплеснув тонкими загорелыми руками, девушка затараторила:

– Конечно, нет, мистер Мерфи. Я обязательно что-нибудь для вас подыщу. Угловой стол ближе к окну, правильно?

– Верно, Данни. И познакомься... – прищурившись, перевёл взгляд на меня, – с моей... племянницей, Тиной Эрриксон.

Каждый раз, когда он подчёркнуто иронично называл меня «племянницей», а себя «дядей» это резало слух.

– Иногда она будет заезжать сюда без меня, и мне бы хотелось, чтобы с ней обращались должным образом. Надеюсь, мы понимаем друг друга?

Данни, до этого момента намеренно игнорировавшая моё присутствие, впиалась кошачьими глазами в моё лицо, очевидно, запечатлевая его в памяти.

– Ваша племянница, – пролепетала она, переводя взгляд на Алекса. – Да-да, конечно. Мы внесём её в список.

– Вот и прекрасно. – Не дожидаясь, пока Данни проводит нас, Алекс приобнял меня за талию и повёл вглубь зала.

Пока мы неспешно шествовали вдоль столов, я невольно подмечала взгляды, которые бросали на моего спутника, сидящие за столиком девицы. Почти все они были в компании мужчин, но это не мешало им улыбаться и откровенно пожирать его глазами. Рядом с этим двухметровым великолепием в дорогом костюме я ощущала себя замухрышкой. И почему я послушала его и не переделась? Нужно было хотя бы немного подкрасить глаза и уложить волосы.

– Все эти девушки смотрели на тебя, – пробормотала я, когда Алекс выдвинул для меня стул.

– На самом деле они смотрели на тебя, – усевшись напротив, он невозмутимо пожал плечами, – пытались понять, какие между нами отношения.

Я недоверчиво посмотрела на него.

– Думаешь, они сочли меня твоей девушкой?

– Тебя это удивляет? Каждый день в ресторанах я вижу семидесятилетних стариков в сопровождении малолетних особ. Наш тандем далеко не самый эпатажный.

– Ты совсем не выглядишь на тридцать шесть, – я смущённо опустила взгляд на скатерть.

На самом деле я никогда не задумывалась над тем, как мужчины должны выглядеть в тридцать шесть лет. После тридцати все они автоматически переходили в ранг стариков, и по определению, не могли быть привлекательными. Тридцать, сорок, пятьдесят... Дальше уже не было никакой разницы.

Вот только рядом с Алексом мне так не казалось. Мне была приятна мысль, что кто-то из сидящих в зале красоток мог подумать, что я его девушка. Да что со мной, вообще, происходит?

Подошедший официант с минуту пытался привлечь внимание Алекса, но он продолжал смотреть на меня. Молчание между нами затянулось, а я никак не могла заставить себя оторвать взгляд от стола. Этот мужчина подавлял меня, заставлял трепетать. Я абсолютно не понимала, как вести себя с ним. У отца было много влиятельных друзей, но ни один из них не обладал и малой долей того магнетизма и той уверенности, какую излучал Алекс Мерфи. Такие, как он, управляют империями и сметают с земли целые города.

Волна жара на лице, в конце концов, ослабла, и я с облегчением втянула в себя воздух. Словно всё это время находилась под водой и, наконец, вынырнула на поверхность.

– Два нисуза, фаршированные мидии, эскалоп из телятины с овощами, утиный конфи с пюре из стручковой фасоли для моей спутницы, минеральную воду без газа, два апельсиновых фреша, – не заглядывая в меню, негромко перечислил Алекс подошедшему официанту, – и на десерт... клубнику.

Парень в белоснежной рубашке повторил заказ и, вежливо кивнув, удалился. Я не могла не заметить того, что мой спутник не позволил мне заказать самой, но тактично промолчала. В конце концов, он часто бывал здесь и наверняка успел изучить лучшее в меню. Так или иначе, его выбор меня устраивал.

– Почему ты не заказал себе вина?

– Это потому что я не пью. И тебе настоятельно не рекомендую. Алкоголь делает людей слабыми. Развязывает язык, искажает восприятие действительности. Заставляет говорить и делать неправильные вещи, – он пронзительно посмотрел на меня. – А ты хотела вина?

Я отрицательно мотнула головой.

– Мне нет двадцати одного. Я бы не смогла пить, даже если бы захотела.

Глаза напротив хищно сверкнули.

– А ты всегда стараешься поступать правильно, Тина, не так ли?

– Я считаю, что нельзя нарушать закон, – уклонилась от ответа, потому что не хотела выглядеть занудной ханжой. – Разумеется, я пробовала алкоголь. Пару раз пила текилу на днях рождения подруг, но на этом всё.

– Ты противоречишь сама себе, милая, – ухмыльнулся Алекс, едва заметно кивнув официанту, чтобы тот разлил воду в бокалы, – Ты уже нарушила закон, когда попробовала алкоголь. Дважды. Очевидно, тяга к новому для тебя сильнее правил.

Я не нашлась, что на это ответить, поэтому схватила бокал и сделала большой глоток. С любым другим человеком я бы подискутировала на эту тему, но что-то подсказывало мне, что этот мужчина разобьёт мои аргументы в пух и прах, и в конечном итоге я выставлю себя незрелой дурой.

Остаток вечера, на удивление, прошёл легко и непринуждённо. Алекс расспрашивал, в каких странах я побывала и куда бы хотела съездить. Оказалось, что он так же, как и я, очень любит Испанию и в ближайшее время планирует съездить в Барселону. Когда я всё же решилась спросить его, чем он занимается, Алекс загадочно ответил, что помогает конфликтующим сторонам прийти к согласию. Уточнять, что это значит, я не стала, потому что почувствовала, что более развёрнутого ответа всё равно не получу.

Через два часа Душитель, как я про себя окрестила Зеда из-за непропорционально огромных ладоней, забрал нас из ресторана и отвёз домой. Когда я вошла в свою комнату, глаза расширились от удивления: двери просторной гардеробной были распахнуты, и вся моя одежда аккуратно висела на вешалках; обувь расставлена в нишах; многочисленные сумки, с недавнего времени ставшие моей слабостью, стояли на полках. Я кинула взгляд на кровать, на подушках приютился старый плюшевый лягушонок, с которым я не расставалась с детства. Вообще-то, я терпеть не могла мягкие игрушки, но Клаус был исключением. Я спала с ним с трёхлетнего возраста.

На улице стало темнеть. Выглянув в окно, я невольно застыла с улыбкой на лице. Как я и предполагала, вид на подсвеченный вечерний бассейн был просто изумительным. Безумно захотелось плавать. Вспомнив слова Алекса о том, чтобы я чувствовала себя, как дома, быстро прошла в гардеробную и стала рыться в ящиках с бельём. Где-то там запрятан новый купальник от «Ла Перла», который мне ещё не довелось надеть.

Глава 4

Достав из выдвижного ящика ярко-красный бикини, я в нерешительности застыла с ним в руках. После секундных колебаний скинула с себя одежду и нижнее бельё и, не дав себе шанса передумать, натянула треугольнички эластичной ткани. Подошла к зеркалу, стоящему напротив кровати, и критично осмотрела себя. Насыщенный оттенок купальника делал и без того светлую кожу ещё бледнее. Я мечтала быть смуглой, но загар упрямо не ложился на меня, оставляя ожоги всякий раз, когда принимала солнечные ванны. Бикини не был слишком открытым, но всё же разительно отличался от тех, что я носила раньше: ткань лифа была тонкой, без плотной подкладки, низ держался на тонких завязках и открывал большую часть ягодиц. Со вздохом расправив узкую чашку, норовившую оголить сосок, вдела ноги в силиконовые шлёпки и, обмотавшись полотенцем, выскользнула из комнаты.

На первом этаже стояла гробовая тишина. Казалось, в доме никого не было. В полу-мраке гостиной, освещаемой лишь уличной подсветкой, отбрасывая блики на стекло, живописно горел камин.

Аккуратно прикрыв за собой входную дверь, я вышла на террасу. Вид отсюда был даже лучше, чем со второго этажа, и я невольно снова залюбовалась идеальной гладью воды, пронизанной лучами диодных софитов. Посреди этой красоты внезапно почувствовала себя приглашённой звездой высокобюджетного рекламного ролика. Тихо хихикнула над своей впечатлительностью и в ту же секунду устыдилась. Отец сейчас в тюрьме, один в холодной камере, а я как ни в чём не бывало прохлаждаюсь у бассейна.

Усыпив совесть мыслью о том, что папа не хотел, чтобы я грустила, скинула шлёпанцы и, положив полотенце на край шезлонга, окунула пальцы в воду. Тёплая. Вытянула руки вверх и стрелой погрузилась в воду.

С каждым новым взмахом руки, вода смывала с тела тяготы этого дня. Задержав дыхание, я проплыла до середины, вынырнула, и, достигнув противоположного конца, вернулась обратно. Я чувствовала себя свежее, бодрее и увереннее. Сгруппировавшись, сделала кувырок. Так я любила делать в детстве, когда мы выезжали с друзьями отца на яхте. Папу это всегда умиляло, и он говорил, что я похожа на маленькую ракушку.

– Рад, что ты осваиваешься, – раздался сверху знакомый низкий голос. – Как тебе вода?

Убрав со лба мокрые пряди, я вытаращилась на стоящего вдоль бортика Алекса.

– Тёплая, – севшим от неожиданности голосом просипела я, оглядывая его.

Мужчина был одет в короткие синие шорты, явно плавательные, и чёрную футболку. Босые ноги находились на уровне моих глаз: длинные, загорелые, со скульптурными линиями мышц.

– Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе? – он поднял бровь и, глядя на моё растерянное лицо, пояснил: – Я всегда плаваю в это время.

– Конечно, – Не в силах отвести взгляда, я наблюдала, как он небрежно стягивает футболку и швыряет её на шезлонг.

Бог. Ты. Мой. Это вот так выглядят мужчины в тридцать шесть? Если да, тогда я не понимаю, почему мои подруги встречаются со сверстниками. Казалось, девиз жизни Алекса Мерфи был – «Быть идеальным во всём». Я имею в виду... эти плечи. Я никогда не видела таких плеч. Широкие и рельефные, с округлыми дельтовидными мышцами, выражено переходящими в бицепсы. Идеально вылепленная грудь с тёмными сосками, шесть кубиков пресса, крупных и естественных, без намёка на то, что их владелец отказывает себе в пище и воде, чтобы лишний раз похвастаться ими на пляже. Тёмная дорожка волос и косые мышцы живота буквой V, уходящие под линию шорт. Его тело не было похоже на тело помешанного на фит-

несе метросексуала, злоупотребляющего спортивными добавками. Оно излучало настоящую силу. Наверное, такие тела были у воинов.

– Нравится вид? – ухмыльнулся Алекс, глядя на меня сверху вниз. – Впрочем, можешь не отвечать.

Я покраснела так, что стала идеально гармонировать с цветом своего купальника, и в попытке скрыть смущение, нырнула под воду и быстро поплыла к противоположному краю. Когда я выплыла около бортика, Алекс был уже в воде, рассекая голубую поверхность короткими мощными взмахами.

В огромном бассейне внезапно стало тесно. Словно энергия этого мужчины заполнила собой всё пространство и сожгла кислород. Я почувствовала необходимость сбежать, но так Алекс мог подумать, что я ушла из-за него, поэтому просто присела на край бассейна и стала наблюдать за отточенными движениями пловца. Он двигался без остановки с феноменальной скоростью и, казалось, совсем не уставал. Интересно, занимался ли он когда-нибудь плаванием профессионально? Затаив дыхание, я любовалась спиной треугольной формы, широкой, с перекачивающимися от движений мышцами.

Через несколько минут, решив, что прошло достаточно времени, чтобы не быть уличённой в трусливом бегстве, я поднялась на ноги, собираясь забрать вещи с шезлонга, но не успела сделать и пары шагов, как Алекс окликнул меня:

– Поддай, пожалуйста, воды, Тина.

На секунду замерев от звука его голоса, я робко кивнула через плечо и пошлёпала по влажным плитам к деревянному столику. Каждый шаг давался с трудом, потому что я чувствовала на себе его взгляд, словно прицел оптической винтовки. Как он медленно скользил по шее, запуская волну мурашек по коже; спускался к лопаткам, изучая их выпуклости; ощупывал позвоночник до копчика и сфокусировался на ягодицах. Секунда, две, три, четыре... Кожа на бёдрах запыхала огнём, во рту стало сухо.

Схватив со столика стеклянную бутылку, я застыла с ней в руках. Нужно было идти обратно. Беззвучно молясь, чтобы полумрак помог скрыть моё пунцовое лицо, медленно обернулась. Скрестив руки и облокотившись о бортик бассейна, Алекс внимательно за мной наблюдал.

Набрав воздуха в лёгкие, я распрямила плечи и подошла к нему. Темный взгляд бесстыдно переместился на губы и прошествовал к груди, задержавшись там на несколько мучительно долгих секунд. В изумрудных глазах что-то промелькнуло. Хищное и опасное.захотелось прикрыться и обхватить себя руками, но я, разумеется, этого не сделала. Сняла языком выступившие капли пота над губой и, немного наклонившись, протянула мужчине воду.

– Держи.

Его взгляд обжёт живот, вновь очертил полушария груди и переместился на глаза.

– Замёрзла, Тина?

Господи... Он ведь не имеет в виду...

Как можно незаметнее опустив взгляд на лиф купальника, я поняла, что именно это Алекс и имел в виду. Напряжённые соски упирались в тонкую влажную ткань, словно пытались вырваться наружу.

– Я вернусь в дом, – сопровождаемая пристальным взглядом, я едва ли не бегом рванула к входной двери.

– Ты совсем непохожа на свою мать, Тина, – хрипло донеслось в спину.

Проснувшись утром от яркого солнечного света, бьющего в окно, я открыла глаза и растерянно огляделась по сторонам. Вспомнив, что теперь эта роскошная малознакомая комната – мой дом на ближайшие три года, со вздохом села на кровать. Часы на прикроватной тумбе показывали восемь, лекции начинались в девять тридцать. Алекс сказал, что на учёбу меня

будет отвозить шофёр, но ни о чём конкретном мы так и не договорились. Спрыгнув с постели, я потопала в душ, по пути решив, что доберусь в университет на такси, благо, прошлую неделю я расходовала карманные деньги экономно.

Через полчаса я стояла обмотанная в полотенце посреди гардеробной. Покопавшись в развешенной на вешалках одежде, я остановилась на голубом приталенном платье до колена и серых замшевых туфлях. Наспех подкрасив ресницы, покидала учебники в сумку и слетела по ступенькам вниз.

Войдя на кухню в поисках утренней чашки кофе, я с удивлением обнаружила на столе завтрак: тёплые тосты, свежавыжатый апельсиновый сок, который, похоже, очень любил хозяин дома, персиковый джем, свежий сыр и салат из авокадо.

Не осмелившись притронуться к еде, я решила ограничиться кофе. Кто знает, для кого сделали этот завтрак? Быть может, Алекс должен скоро спуститься.

Подойдя к устрашающе огромной кофемашине, поставила чашку и стала хаотично тыкать по серебристым кнопкам, в надежде выжать из неё капучино.

– Доброе утро, мисс Эрриксон, – поприветствовали сзади.

У входа в кухню стоял седой мужчина в голубой рубашке и синих брюках. Его лицо было открытым и доброжелательным.

– Я Эйб, мисс Эрриксон, ваш водитель. Мистер Мерфи сказал, что вас нужно отвезти на учёбу.

Удивившись подобной организованности Алекса, я послала мужчине вежливую улыбку.

– Дайте мне всего минутку, Эйб. Я только выпью кофе.

– Вы должны позавтракать, мисс, – с отеческой строгостью произнёс он, – это распоряжение хозяина.

То есть завтрак всё же, был для меня.

Каким-то чудом кофемашина, в конце концов, загудела и наполнила чашку желанным капучино с белоснежной шапкой пены. С наслаждением сделав глоток, я плюхнулась на стул и, намазав тост маслом, впилась в него зубами.

– Эйб, – промычала я с набитым ртом, указывая глазами на стол, – позавтракайте со мной. Здесь так много всего. Одной мне всё равно это не съесть.

Но Эйб, опустив руки по бокам, остался стоять на месте.

– Не положено, мисс Эрриксон. У нас есть ещё полчаса, так что кушайте и не торопитесь.

Мне стало неудобно заставлять пожилого человека ждать, поэтому, наспех проглотив два тоста, я поспешила за ним к машине.

На университетскую парковку меня привёз сверкающий чёрный «Мэйбах». Кажется, Алекс Мерфи не планировал экономить на содержании своей подопечной, и теперь у университетских сплетниц будет, о чём говорить в ближайшее время.

Взявшись за хромированную ручку, я бросила смущённый взгляд на водителя.

– Эйб, я заканчиваю в два... Но если у вас какие-то дела, то я без проблем доберусь на такси.

– У меня распоряжение возить вас, куда вы пожелаете, мисс Эрриксон, – мужчина повернулся. – Других дел у меня нет. Мистер Мерфи уже передал мне расписание ваших занятий.

Вытащив из кармана мобильный, он несколько раз щёлкнул по экрану. Телефон в моей сумке немедленно завибрировал.

– Это мой номер. Звоните в любое время.

Недоумеая, как Алекс добыл расписание, и откуда у Эйба появился мой номер, я вышла из машины, мягко прикрыв за собой тяжёлую дверь. Как я и думала, на приметный, наглухо затонированный автомобиль уже глазели местные зеваки.

– Отца посадили, и ты тут же подцепила себе богатого папика? – язвительно проверещал высокий женский голос.

– Не суди людей по себе, Дебора, – огрызнулась я, старательно обходя размалёванную брюнетку с короткой стрижкой.

– Джерри говорит, что твой отец сгниёт в тюрьме за то, что брал взятки. И что ваш дом продадут с молотка, – не унималась та, провожая меня ненавидящим взглядом. – Сегодня Кайл из команды по лакроссу сказал парням, что готов заплатить тебе сотню баксов, если ты отсосёшь у него. Подумай над этим. Семь клиентов в неделю, и ты сможешь протянуть до конца учебного года.

Со всех сторон слышались ехидные женские смешки, отчего на глаза навернулись слёзы. Как будто мне недостаточно было всей этой двухмесячной нервотрепки с обвинениями, судами и переживаниями. Чем я заслужила всеобщее презрение?

– Закрой свой грязный рот, тупая стерва. Не все промышляют на жизнь отсосом, хоть тебе это и невдомёк, – рывкнула подоспевшая вовремя Жаклин и, приобняв за плечо, потащила меня прочь от места позора.

– Когда ты уже поставишь эту идиотку на место, Тина? – повернулась она ко мне, когда мы отошли на безопасное расстояние. – Ей давно пора выбить зубы за то, как она общается с тобой.

Я могла только вздохнуть. Подруга была права, я, действительно, не умела за себя постоять. Все остроумные комментарии в ответ на оскорбления приходили на ум лишь тогда, когда становилось слишком поздно. Я часто завидовала Жаклин, оттого, с каким хамским изяществом и остроумием ей удавалось ставить на место обидчиков.

– Не понимаю, чего она взъелась на меня, – пожаловалась я, когда мы вошли в лекционный зал. – Я ничего ей не сделала.

– В школе она была влюблена в Карсона Линкольна. В него многие тогда были влюблены. Решением твоего отца его упекли в колонию для несовершеннолетних. Думаю, причина в этом.

Я удивлённо посмотрела на неё.

– Почему я никогда об этом не слышала?

– Потому что ты вечно витаешь в облаках, – усмехнулась Жаклин, швыряя сумку на скамью. – Ну так как тебе живётся у нового дядюшки?

Вечером перед сном я звонила ей по Face Time и вкратце рассказала о грандиозных изменениях в своей жизни.

– Не называй его так. Он просто Алекс.

– А сколько ему?

– Тридцать шесть, – неохотно ответила я, извлекая из сумки учебники и планшет.

– Хах, – Жаклин плотоядно облизнула коллагеновые губы, – мой любимый возраст. Помнишь, я рассказывала тебе об Эйдене? Ему было тридцать восемь. Как он был хорош в постели! – она мечтательно закатила глаза. – Взрослым мужчинам не нужно объяснять, что и куда засунуть, когда нужно ускориться и где потрогать. Они всё знают сами. Секс с ними великолепен, даже несмотря на торчащее пузо.

– У Алекса нет пуза, – вырвалось у меня. От воспоминаний о его мускулистом торсе щёки мгновенно вспыхнули.

– Наверное, бывают исключения, – равнодушно пожала плечами подруга. – Так можно будет приходиться к тебе в гости?

Раньше после учёбы мы с Жаклин и Элисон зависали у меня дома, листая журналы и сплетничая, но теперь я не была уверена, что такая перспектива обрадует Алекса. Он совсем не производил впечатление человека, любящего гостей. Однако, разочаровывать подругу я не решилась, и поэтому пообещала:

– Я спрошу.

Несколько часов занятий пролетели незаметно. Мне нравилась учёба. Я сама выбрала специальность, и была благодарна папе за то, что никогда не давил на меня и не заставлял

продолжать традиции семьи, поступая на юридический. Когда я сообщила, что хочу стать студенткой факультета современных искусств, он меня поддержал.

По дороге к парковке, я решила набрать Эйбу, чтобы сказать, что закончила учёбу, но это оказалось лишним. «Мэйбах» уже ждал меня на том же месте, где высадил утром. В то время пока мы ехали к дому, я пыталась задавать мужчине вопросы: как давно он работает на Алекса, женат ли, чем занимался до того, как возникла необходимость возить меня на учёбу. На все вопросы мужчина отвечал подчёркнуто вежливо, но односложно: он работал на Алекса около пяти лет, не женат, а до того, как я свалилась на его голову, ездил по разным поручениям мистера Мерфи. Одним словом, никакой конкретики.

Вернувшись домой, я, не раздеваясь, рухнула на кровать и провалилась в сон. Алекса за весь день я так и не встретила. Проснувшись от ощущения духоты и липкого пота на теле. За окном было уже темно. Щёлкнув пультом от кондиционера, я сняла платье и влезла в свои любимые пижамные шорты с кроликами и белую майку. Дико хотелось пить. Выйдя за дверь в тускло освещённый коридор, направилась к лестнице, как вдруг из приоткрытой напротив двери услышала голоса: низкий мужской и тонкий, высокий, однозначно, женский. Не в силах побороть любопытство, заглянула в приоткрытую щель.

Глава 5

Прижавшись виском к тяжёлому полотну двери, я заглянула в узкий просвет и замерла, поражённая увиденным.

В огромной, залитой ярким светом потолочных светильников спальне, не было другой мебели, кроме кровати. Последняя представляла собой широкую плиту, отлитую из чёрного камня, которая будто росла из стены. Лишённая опоры, она парила в двух футах от деревянных полов, накрытых пушистым ковром. Но поразило меня отнюдь не смелое дизайнерское решение, а действие, разворачивающееся на этом умопомрачительном ложе.

На гладких простынях шоколадного цвета контрастным пятном выделялось обнажённое женское тело с разметавшимися светлыми волосами. Лица девушки не было видно, потому что её голову вжимала в матрас смуглая мужская рука, в то время как её обладатель с силой вдавливался между округлых ягодиц. Мой названный дядя и опекун во всём своём нагом великолепии занимался сексом, не удосужившись даже приглушить свет.

Прежде я никогда не видела, как другие люди занимались этим – сцены из кинофильмов не в счёт, а потому просто застыла на месте, парализованная животной похотью, которой буквально вибрировали стены этой необычной комнаты. Я бы никогда не назвала происходящее занятием любовью или даже сексом. Это было грубое первобытное спаривание. Девушка издавала совершенно нечеловеческие звуки: мычала, всхлипывала, рычала, царапая длинными розовыми ногтями натянутую ткань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.